

Анализ международных финансовых отношений через призму финансовых механизмов

Крылова Любовь Вячеславовна

доктор экономических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», г. Москва, Россия

E-mail: kryloffs@yandex.ru

Аннотация. Последовательная изоляция России от мировой валютно-финансовой системы и присущих ей финансовых механизмов определяет необходимость изучения возможности и целесообразности их использования в существующих геополитических условиях. Целью исследования является определение характера взаимосвязи основных международных финансовых механизмов и последствий внешнего воздействия на них с применением санкций. Использован новый подход, при котором анализ процессов в современной мировой валютно-финансовой системе проводился через призму основных международных финансовых механизмов. Такой подход не только обеспечивает еще один ракурс их рассмотрения, но и позволяет выявить новые аспекты их взаимосвязей и взаимного влияния. В процессе исследования применялись методы сравнительного логического и контекстного анализа, систематизация, классификация и обобщение. На основе синтеза теории финансовых механизмов и концепции глобальной ликвидности показана взаимосвязь ключевых международных финансовых механизмов, а также роль международных резервов. В результате исследования сделан вывод о невозможности для России использования в условиях санкций имеющихся международных финансовых механизмов, контролируемых США, и необходимости создания новых региональных цифровых финансовых механизмов с участием стран ЕАЭС и государств БРИКС.

Ключевые слова: международные финансовые механизмы; международные финансовые отношения; мировая валютно-финансовая система; глобальная ликвидность; международные резервы.

JEL codes: F01, F29, F39

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-8-88-98>

Для цитирования: Крылова, Л.В. Анализ международных финансовых отношений через призму финансовых механизмов // Л.В. Крылова. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №8. - С.88-98. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.08.2024)

Введение

Система международных финансовых отношений (МФО) представляет собой упорядоченную совокупность общественных экономических отношений, возникающих в процессе функционирования мировой валютно-финансовой системы (МВФС) и мирового финансового рынка (МФР). Упорядоченность международным финансовым отношениям придает их функционирование в рамках действующей МВФС как институционально-правовой форме организации и регулирования этих отношений. Основу современной системы МФО заложили Бреттон-Вудские соглашения и принципы Вашингтонского консенсуса, которые определили ее ключевые принципы, а также функционал наднациональных институтов в качестве институциональной основы. Развитие в этой парадигме МФО обусловило формирование асимметричной МВФС, нарастание глобальных дисбалансов, финансиализацию и долларизацию МФО [1, с. 71–73].

В рамках системы МФО происходит распределение и перераспределение глобальных финансовых ресурсов. Это перераспределение осуществляется через финансовые механизмы и институты мирового финансового рынка (МФР), каналы международных платежных систем. В свою очередь финансовые механизмы представляют собой систему взаимосвязанных звеньев, обеспечивающих

функционирование финансовой системы. При этом выделяют перераспределительные финансовые механизмы официального и частного секторов, что отражает современные представления о денежной эмиссии, в рамках которой выделяют создание резервных и депозитных денег [2. с. 142].

Анализ процессов, протекающих в современной мировой валютно-финансовой системе, через призму основных международных финансовых механизмов не только обеспечивает еще один ракурс их рассмотрения, но и позволяет выявить новые аспекты их взаимосвязей и взаимного влияния. В этой связи целью исследования является определение характера взаимосвязи основных международных финансовых механизмов и последствий внешнего воздействия на них в изменяющихся геополитических условиях.

Теория финансовых механизмов является частным случаем общей теории экономических механизмов, разрабатываемых Л. Гурвицем [3], М. Эскином [4], Р. Майерсоном [5] и другими исследователями. Первый рассматривал экономический механизм в качестве системы взаимосвязей (звеньев) «стратегия-результат», второй называл его «обратным проектированием» в экономике, в рамках которого сначала определяется цель, а затем дизайн механизма, способствующего ее достижению, третий считал основой экономических механизмов институты, обеспечивающие информационное взаимодействие и координацию действий экономических агентов.

Систематизация существующих подходов к анализу финансовых механизмов позволяет выделить следующие их ключевые характеристики:

- они носят объективный характер, поскольку функционируют на основе устойчивых прямых и обратных связей между формирующими их элементами;
- изменения в их функционировании происходят в результате получения новой информации;
- представляют собой, как правило, открытые системы, на которые можно воздействовать.

Тот факт, что финансовые механизмы открыты для внешнего воздействия, задаваемого субъектом регулирования, позволяет использовать регуляторные импульсы для достижения целей регулятора. Наиболее изученным и широко используемым финансовым механизмом является, трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики.

Финансовые механизмы в системе МФО

В системе МФО важнейшими являются механизмы формирования и перераспределения глобальной ликвидности, представляющей собой совокупность всех возможных способов и источников финансирования глобального платежного оборота и обеспечивающей его международными платежными средствами. Для нормального функционирования МВФС глобальная ликвидность должна обладать определенными количественными и качественными характеристиками. Иными словами, требуется достаточный объем ликвидных средств в системе и определенная структура формирующих ее компонентов, прежде всего речь идет об их валютной структуре. Последнее обусловлено тем, что в неметаллической МВФС функции мировых денег выполняют определенные национальные фиатные валюты.

В научной литературе сформировалось два основных подхода к трактовке понятия глобальной ликвидности: (1) ликвидность при фондировании (*funding liquidity*) и (2) рыночная ликвидность (*market liquidity*), или, соответственно глобальная финансовая и глобальная денежная ликвидность. Первая представляет собой совокупность финансовых инструментов, способных в кратчайшие сроки и с минимальными издержками обмениваться на средства платежа. Вторая — это совокупный объем находящихся в глобальной экономике средств платежа в мировых валютах или глобальное денежное предложение. Ряд авторов высказывает мнение о необходимости комплексного изучения этой категории, включающего оба подхода [6].

Для оценки количественных и структурных параметров глобальной ликвидности используются соответствующие показатели, отражающие ее двойственный характер. Так, Банк международных расчетов (БМР) публикует три показателя глобальной ликвидности:

1. банковские международные требования (*banks' international claims*);

2. совокупные банковские требования на частный нефинансовый сектор (banks' total claims on private non-financial sector);
3. совокупный объем кредитования в конкретной валюте (total credit by currency of denomination) [7].

Показатели глобальной ликвидности БМР характеризуют общий объем кредитов небанковским заемщикам, включая как кредиты, предоставленные банками, так и финансирование на мировых рынках облигаций. Основное внимание уделяется требованиям в трех основных резервных валютах (долларах США, евро и японских иенах) к нерезидентам, то есть заемщикам за пределами соответствующих валютных зон. Эти показатели позволяют оценить как количественные, так и структурные параметры глобальной ликвидности. Так, по данным БМР в конце 2023 года сумма кредитов в долларах США небанковским организациям за пределами США составила чуть менее 13 триллионов долларов США, кредиты в евро за пределами зоны евро - 4,1 трлн евро [8].

Требования банков возникают в результате предоставления их контрагентам финансовых ресурсов, которые те могут использовать в качестве средства платежа. Одновременно требования представляют собой отраженные по активу банковских балансов выданные кредиты, долговые и долевыми ценные бумаги, деривативы, прочие финансовые инструменты, приобретаемые банками.

Именно банки создают основной объем глобальной ликвидности; частный канал ее формирования и перераспределения является основным. Поскольку кредитная и рыночная активность банков носит проциклический характер, в период ухудшения мировой конъюнктуры, во время глобальных кризисов возможен дефицит глобальной, прежде всего долларовой, ликвидности, проявляющийся в росте процентных ставок международного финансирования, укреплении доллара США и ужесточении условий кредитования на международных рынках.

Увеличение масштабов мировой экономики требует соответствующего увеличения объема глобальной ликвидности. Основными факторами роста ее предложения являются развитие международной банковской деятельности и банковского кредитования, расширение масштабов операций на международных финансовых рынках. Отметим, что формирование глобальной ликвидности происходит вне национальных юрисдикций и неподконтрольно государственным органам денежно-кредитного регулирования.

Проциклический механизм банковской мультипликации в рамках частного сектора мировой экономики дополняется контрциклическим компонентом экстренного предоставления ликвидности по официальному каналу в рамках антикризисных операций центральных банков и международных валютно-финансовых институтов (МВФИ). В терминологии Банка международных расчетов официальный компонент глобальной ликвидности представляет собой «финансирование, безусловно доступное для урегулирования требований через органы денежно-кредитного регулирования» [9].

Если перераспределение частного компонента ликвидности происходит через рыночные механизмы, то официального компонента - через своп-линии центральных банков-эмитентов соответствующих валют, кредитные программы и механизмы МВФ, а также международные резервы центральных банков различных стран. В современных условиях решение о предоставлении доступа к своп-линиям Федеральной резервной системы или Европейского центрального банка может быть политически ангажированным, ориентированным преимущественно на геополитических союзников.

Устойчивость системы МФО в кризисные периоды в значительной степени обусловлена адекватным функционированием эмиссионных механизмов Центральными банками стран-эмитентов резервных валют, эффективной работой МВФ и других валютно-финансовых институтов глобального, регионального и национального уровня, достаточностью международных резервов для купирования внешних и внутренних шоков.

Взаимодополняющие механизмы формирования глобальной ликвидности призваны обеспечивать потребности экономических агентов официального и частного секторов глобальной экономики при любой мировой конъюнктуре. Однако на практике действие этих механизмов не

всегда адекватно в связи с неконтролируемостью основного, частного, канала и ангажированностью официального канала создания и перераспределения глобальной валютной ликвидности [10, с. 6], что выражается в периодическом дефиците долларовой ликвидности и ухудшении доступа к ней развивающихся стран-привозников в период глобальных шоков. Следует отметить, что целенаправленное ограничение доступа к долларовой ликвидности в периоды кризисов для определенных стран может выступать в качестве своеобразного «гибридного» оружия и иметь весьма серьезные последствия.

Особую роль в системе финансовых механизмов МВФС играют международные резервы. Механизмы резервирования обеспечивают как межстрановое перераспределение глобальной ликвидности, так и взаимосвязь официального и частного ее компонентов при их использовании центральными банками в рамках валютных интервенций.

Механизмы формирования и распределения международных резервов в МВФС в значительной степени обуславливают присущие ей дисбалансы и асимметричность [11]. Требование МВФС размещать официальные международные резервы в валютах ведущих развитых стран поддерживает спрос на эти валюты и вынуждает развивающиеся страны формировать значительные объемы резервных активов для обеспечения своих международных обязательств, обслуживания внешнего долга, поддержания устойчивости своих валют, противодействия финансовым шокам и кризисам. В силу зависимости от мировой конъюнктуры, слабости финансовых систем, волатильности валют и ограниченности бюджетных ресурсов, эти страны вынуждены накапливать большую часть (2/3) из 12 трлн долл. совокупных глобальных валютных резервов. К тому же ограниченный доступ к антикризисному финансированию Глобальной сети финансовой безопасности (Global Financial Safety Net – GFSN) побуждает развивающиеся страны ориентироваться на «самострахование» в виде своих международных резервов. Коронакризис продемонстрировал, что из общего объема антикризисного финансирования по линии GFSN (4 трлн. долл. США) для поддержки развивающихся государств было доступно лишь четверть (менее 1 трлн долл), что вдвое меньше, чем их потребности в антикризисной поддержке в период кризиса [2, с. 144].

Существующие механизмы международного резервирования и размещения резервов в финансовые инструменты стран-эмитентов резервных валют создают основу для неэквивалентного обмена и замораживания значительных средств развивающихся стран (свыше 7 трлн долл США), которые могли бы использоваться в целях их внутреннего социально-экономического развития.

После 2014 г. и особенно после 2022 г. наблюдалось последовательное отстранение России от основных источников глобальной ликвидности. Сначала путем введения секторальных санкций США и ЕС был закрыт доступ к ресурсам международного рынка капитала, затем введен запрет финансовых операций с российскими резидентами, внесенными в SDN-список¹, происходит расширение санкционного давления за счет экстерриториальных вторичных санкций, заморозка финансовых активов, включая международные резервы Банка России. К настоящему времени количество санкционных мер превысило 20 тыс., финансовые и нефинансовые институты Российской Федерации практически изолированы от международных платежных систем, системы SWIFT, зарубежных банков-корреспондентов, институтов и инфраструктуры международных финансовых рынков, включая рынок криптовалют [12]. Особо отметим невозможность использования Россией всех без исключения существующих компонентов антикризисного финансирования GFSN, включая значительную часть международных резервов, что является фактором, подрывающим общую устойчивость МВФС.

Банковские и рыночные механизмы финансирования экономической деятельности

Для современной МВФС характерно существование двух различных систем финансирования

¹ Включение в SDN-список (Specially Designated Nationals List) предусматривает блокировку активов провинившихся компаний и банков, размещенных как в США, так и в юрисдикциях других государств, присоединившихся к американским санкциям, запрет на использование валют присоединившихся к санкциям государств и на проведение любых операций с их резидентами. Фактически это приводит к изоляции от МВФС

экономической деятельности – рыночной модели, ориентированной на привлечение финансовых ресурсов с рынка ценных бумаг, и банковской модели. Первая характерна для США, вторая – для стран континентальной Европы, России, Китая, многих других развивающихся стран. Эти модели выстроены на различных финансовых механизмах, обеспечивают разные объемы и условия аккумуляции и перераспределения финансовых ресурсов, предполагают различные подходы к оценке и принятию рисков инвесторов и кредиторов. Эти различия в итоге влияют на всю систему финансовых отношений микро-, мезо-, и макроуровня, формируя в них альтернативные, не всегда совместимые финансовые механизмы. При этом наблюдается более существенный разрыв в уровнях развития финансовых систем и финансовых рынков развитых и развивающихся стран, чем в развитии их нефинансовых секторов. Тем самым на глобальном уровне воспроизводится асимметричность финансовой системы.

Американская модель рыночного финансирования базируется на механизмах рынка ценных бумаг, формирует большой аппетит к рискам и позволяет генерировать значительные объемы финансовых ресурсов и инструментов с разным профилем рисков и ликвидности. При этом она менее устойчива в условиях кризисов при отсутствии внутренней системы антикризисного рефинансирования и поддержания текущей ликвидности со стороны центрального банка. В период шока на финансовых рынках во время коронакризиса только за март 2020 г. объем кредитов на балансах банков США увеличился на 700 миллиардов долларов [13], именно они обеспечили в критический момент доступ коммерческих и промышленных фирм к антикризисному финансированию. Кроме того, у США есть возможность транслировать финансовые шоки на глобальную финансовую систему, одновременно купировав их в национальной системе. Доминирование американской финансовой системы имеет потенциал кризисогенности и формирует каналы распространения финансовых шоков на другие страны и регионы мира.

Банковская система финансирования экономической деятельности базируется на особой роли депозитных финансовых посредников, принимающих на себя риски вкладчиков и кредиторов банков. В еврозоне около 80% корпоративного финансирования осуществляется на основе банковского кредитования и лишь 20% долгового финансирования идет с рынка капитала [14]. При этом банковская деятельность регулируется системой нормативов Базельского комитета по банковскому надзору (БКБН), тогда как наднациональное регулирование международных финансовых рынков и движения капитала отсутствует, формируя дисбаланс между глобальным характером МФР и преимущественно национальным уровнем его регулирования.

Внедрение в мировой банковской системе Базельских требований резко сократило возможности банков наращивать свой кредитный потенциал, в то время, как цифровизация создает альтернативные каналы финансирования (краудфандинг, краудинвестинг и др.) вне регуляторного контура, принятого в банковской деятельности. В этих условиях основной функцией банков становится качественная трансформация активов (по параметрам «риск-ликвидность-доходность») и управление рисками. При этом они теряют свои конкурентные позиции перед небанковскими финансовыми институтами (НБФИ) и FinTech: в 2022 г. доля банков в глобальных финансовых активах снизилась до 39,7% [15].

Различия в моделях финансирования имеют следствием еще один значимый в контексте исследуемых проблем аспект, который остается, как правило, вне поля зрения исследователей. Банковские системы способны генерировать меньший объем финансовых инструментов в сравнении с финансовыми рынками. В странах с преобладанием банковской модели финансирования финансовые рынки имеют меньшую глубину. Этот аспект ограничивает интернационализацию национальных валют соответствующих стран, что наглядно демонстрирует Китай. Для расширения международного использования юаня требуется не только спрос на него, но и достаточный объем финансовых инструментов с различными характеристиками риска и ликвидности, деноминированных в юанях, для размещения различных, в том числе международных, резервов. Если объем совокупных

глобальных валютных резервов находится в диапазоне 11–12 трлн долл. США, то госдолг США превысил 34 трлн. Совокупный объем мирового рынка облигаций составляет свыше 133 трлн долл., из которых 39% приходится на США и 16% на Китай. При этом основную массу китайских облигаций держат китайские же банки [16].

Изменение соотношения сил и геополитическая ситуация

Накопление в течение длительного времени серьезных проблем, не находящих своего решения, привело МВФС к системному кризису из-за несоответствия структурных принципов организации МФО с одной стороны и изменений в мировой экономике, - с другой. Основными факторами, определившими кризис существующей системы МФО и деградацию ее финансовых механизмов, стали:

- структурные сдвиги в мировой экономике, переход к новому технологическому базису;
- изменение соотношения сил между мировыми экономическими и финансовыми центрами;
- геополитические интересы ведущих стран, их национальная экономическая и валютно-финансовая стратегия.

Прежде всего изменилось соотношение сил между развитыми (40,56% от мирового ВВП по ППС) и развивающимися государствами (59,44) (Рис. 1). Доля стран G7, составлявшая в 1992 г. 47% глобального ВВП снизилась к 2022 г. до 30,8%, стран БРИКС за тот же период увеличилась с 16% до 31,5% (по ППС). В мировой торговле доля развивающихся стран увеличилась с 37% в 2016 г. до 41% в 2022 г., тогда как доля развитых стран в мировом экспорте сократилась с 62% до 58% [17]. И тренд на усиление позиций развивающихся стран весьма устойчив.

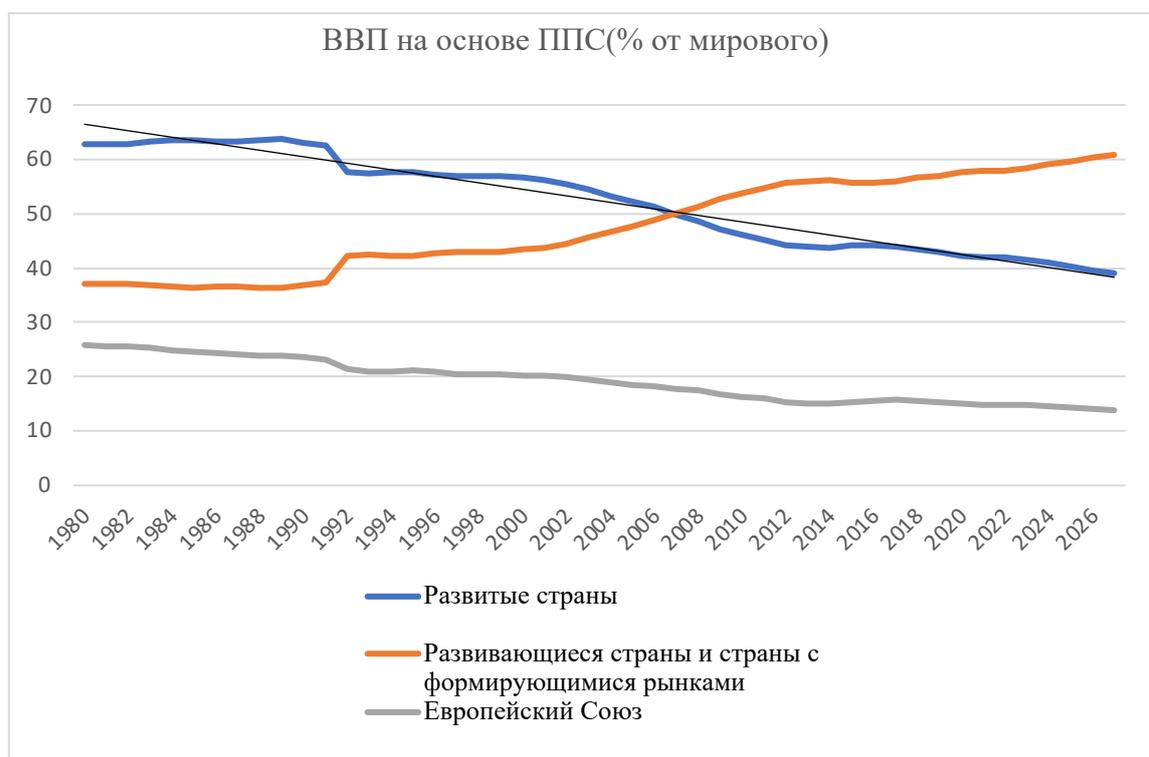

Рисунок 1 - Динамика удельного веса групп стран в глобальном ВВП по ППС, 1980 – 2023 годы, %. 2024 - 2026 г. – прогноз.

Источник: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD>

Однако изменение соотношения сил в глобальной экономике не привело к соответствующим изменениям в мировых финансах, что вызвало недовольство ведущих развивающихся стран и обострение отношений в системе МФО и геополитике.

Эти изменения требуют реформирования устаревших бреттон-вудских конструкций МВФС, однако США и их союзники противодействуют этому реформированию. Несмотря на

признание того, что глобализация, основанная на парадигме неолиберализма, себя исчерпала [18], американский истеблишмент видит стратегические перспективы не в признании законных интересов развивающихся стран и соответствующей трансформации МВФС, и даже не в рамках фрагментации мирового сообщества и блочного объединения союзных государств, а в формате модернизированной глобализации на основе усиления и развития трансатлантического ядра (США, Великобритания, Франция, Германия, Италия) и расширения круга дружественных им стран. Объединительным принципом провозглашен тезис «демократия против авторитаризма» [19, с. 62.], а основным мотивом - противодействие многополярности и сдерживание инновационного экономического развития стран-конкурентов за счет санкционных ограничений в финансах, экономике и торговле. При этом США стремятся сдерживать развитие не только «авторитарных» стран – Китая, России, Ирана, Северной Кореи и т.п., но и стран ЕС как своих основных конкурентов. Игнорирование законного права независимых государств самостоятельно выбирать пути и приоритеты своего развития вызывает активное противодействие. Неприятие развивающихся рынков как равноправных партнеров [11, с. 191], наряду с углублением имманентных противоречий и дисбалансов МВФС, становится важнейшим драйвером трансформационных тенденций.

Следует отметить, что современная МВФС является гораздо более гибкой и адаптивной, чем предыдущие системы золотого стандарта. Плавающие валютные курсы, доступ к глобальной ликвидности через мировые финансовые рынки, возможность быстрой смены монетарной и курсовой политики, аналитические, прогностические и иные возможности, обеспечиваемые цифровыми технологиями, позволяли длительное время решать возникающие проблемы в рамках существующей системы. Однако нежелание ее основных бенефициаров признать законные интересы развивающихся стран, других участников МФО, не позволили и далее трансформировать принципы организации МФО эволюционным способом. Ее функционирование все больше поддерживается внеэкономическими методами принуждения и санкционного давления.

Решая свои внутренние проблемы, США создают чрезмерные объемы долларовой ликвидности в рамках своей политики количественных смягчений, вследствие чего доллар быстро утрачивает свою покупательную способность, что проявляется в росте мировых цен на сырьевые и топливно-энергетические товары, провоцируя волны инфляции по всему миру.

Усиление геополитической напряженности и конфликтности МФО вылилось в необходимость парадоксального выбора между параметрами эффективности для оптимизации использования ограниченных ресурсов, и обеспечением устойчивости финансовых систем как условия выживания и сохранения национальной идентичности, экономического и финансового суверенитета [20, с. 41.]. Кризис системы межгосударственного взаимодействия на многосторонней основе обусловили приоритетность обеспечения финансовой устойчивости на всех уровнях финансовой системы: от компаний до государства и МВФС. Сегодня перед государствами, членами МФО, стоит непростой выбор между приоритетами внутреннего независимого экономического развития с учетом национальных интересов и интеграцией в мировую финансовую систему по правилам доминирующего государства.

Укрепление позиций развивающихся стран в этих условиях сформировало объективную тенденцию к регионализации и валютному полицентризму, протекционизму и усилению роли государства в экономике, в финансовой сфере. Несмотря на то, что взаимозависимость экономик сохранится, именно те страны, которые сознательно разрабатывали и последовательно реализовывали долгосрочные стратегии национального развития, - Китай, Индия, Япония, Корея, - смогли извлечь максимальную пользу из глобализации, сформировав в ее рамках деглобализационный тренд [21].

В существующей глобальной валютно-финансовой системе Россия не сможет ни купировать влияние санкций, используя имеющиеся финансовые механизмы, ни создать новые, альтернативные долларовой системе, контролируемой США. Необходимо ориентироваться на формирование новых региональных цифровых финансовых механизмов, ориентируясь на страны ЕАЭС и государства

БРИКС.

Заключение

Понимание природы и взаимосвязи основных международных финансовых механизмов позволяет, с одной стороны, прогнозировать возможные угрозы и направления дальнейших ограничений и заранее предпринять меры для снижения их негативных последствий, а с другой – разрабатывать стратегии формирования альтернативных финансовых механизмов вне контуров действующей глобальной системы долларového финансирования.

Неметаллическая МВФС, не имеющая золотой основы, для своего устойчивого функционирования требует безусловного взаимного доверия, свободного доступа к глобальной ликвидности и уверенности членов международного сообщества относительно готовности эмитентов резервных валют выполнять соответствующие обязательства.

Заморозка валютных резервов России, Ирана, отключение их финансовых институтов от системы SWIFT, закрытие доступа к ключевым элементам мировой финансовой инфраструктуры – мировым финансовым рынкам, запрет Минфину США предоставлять России и Белоруссии доллары взамен имеющихся в их распоряжении СДР, санкции против Венесуэлы, Сирии, Северной Кореи разрушили парадигму доверия в глобальной системе МФО и нарушили функционирование ее базовых финансовых механизмов. В этих условиях России необходимо разрабатывать альтернативные цифровые финансовые механизмы со своими геополитическими партнёрами.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россия в мировой финансовой архитектуре / П. В. Алексеев, В. В. Антропов, В. Ю. Барабанов [и др.]. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 203 с. . – DOI 10.12737/1984071.
2. Крылова Л.В., Мудрецов А.Ф., Прудникова А.А.. Значение международных резервов в глобальной системе антикризисного финансирования // Проблемы прогнозирования. 2024. № 3 (204). С. 141–150. DOI: 10.47711/0868-6351-204-141-150
3. Hurwicz L. But Who Will Guard The Guardians? //American Economic Review. 2008. Vol. 98. № 3. Pp. 577–85. DOI: 10.1257/aer.98.3.577
4. Maskin E. Mechanism design: how to implement social goals. Nobel Prize lecture/ December 8. 2007. URL: https://www.nobelprize.org/uploads/2018/06/maskin_lecture.pdf
5. Myerson R. Perspectives on Mechanism design in economic theory // American Economic Review. 2008. Vol. 98. №. 3. Pp. 586–603. DOI: 10.1257/aer.98.3.586.
6. Бурлачков В.К., Головнин М. Ю., Тихонов А.О. Глобальная денежная ликвидность: теоретические основы, показатели, тенденции динамики // Деньги и кредит. 2017. № 12. С. 3-8. Burlachkov V.K., Golovnin M. Yu., Tikhonov A.O. Globalnaya denezhnaya likvidnost: teoreticheskie osnovy, pokazateli, tendencii dinamiki // Dengi i kredit. 2017. No. 12. S 3-8. (In Russ.)].
7. Банк международных расчетов. URL: https://www.bis.org/statistics/about_gli_stats.htm?m=2689
8. Банк международных расчетов. URL: <https://www.bis.org/statistics/gli2404.htm>
9. Global liquidity – concept, measurement and policy implications. Committee on the global financial system. Bank for International Settlements, CGFS Papers. 2011. No. 45. <https://www.bis.org/publ/cgfs45.pdf> (дата обращения 11.04.2024).
10. Крылова Л. В. Децентрализация мировой валютно-финансовой системы в условиях деглобализации // Банковские услуги. 2022. № 7. С. 2–8. DOI: 10.36992/2075-1915_2022_7_2
11. Кузнецов А. В . Императивы трансформации мировой валютно-финансовой системы в условиях многополярности // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26. №2. С. 190-203. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-190-203
12. Крылова Л. В. Санкции как новая реальность мировой экономики // Мировая экономика и мировые финансы. 2024. Т.3. № 2. С. 5–10. DOI: 10.24412/2949-6454-2024-0130
13. Annual Economic Report, Bank for International Settlements, June 2020. URL: www.bis.org/publ/arpdf/ar2020e.htm. С. 47. (дата обращения 11.04.2024).
14. URL: <https://www.societegenerale.com/en/banking-explained/financing-the-economy/disintermediation> (дата обращения 11.04.2024).
15. Global Monitoring Report on Non-Bank Financial Intermediation. FSB. 2023. <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P181223.pdf>. (дата обращения 11.04.2024).
16. <https://www.tbank.ru/invest/social/profile/MegaStrategy/52d89411-e35b-4cf7-af3b-b91dc77f34a5/> (дата обращения 11.04.2024).
17. <https://eadaaily.com/ru/news/2024/02/14/briks-obhodit-g7-dolya-v-mirovom-vvp-semerki-snizhaetsya> (дата обращения 11.07.2024).
18. Кузнецов А.В. Реорганизация мировой валютно-финансовой системы в контексте стабилизации глобальной экономики / А.В. Кузнецов. - DOI 10.52957/22213260_2022_8_74. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №8. - С.74-83. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.08.2022)
19. Голуб Ю.Г., Шенин С.Ю. Трансатлантизм в контексте заката глобализации: дискуссии в США // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 8. С. 60–69. – DOI 10.20542/0131-2227-2023-67-8-60-69.
20. Федулова М., Чернядьев Д., Поршаков А. Перестройка глобальных производственных цепочек: от эффективности к устойчивости. Банк России. Январь 2022. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132380/analytic_note_20220125_dip.pdf (дата обращения 11.04.2024).

21. Сапир Ж. Находимся ли мы на пороге масштабной трансформации мировой экономики? // Проблемы прогнозирования. 2020. №6 (183). С. 27–45.

Analysis of international financial relations through the prism of financial mechanisms

Krylova Lyubov Vyacheslavovna

Doctor of Economics, Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: kryloffs@yandex.ru

Abstract. The consistent isolation of Russia from the global monetary and financial system and its inherent financial mechanisms determines the need to study the possibility and feasibility of their use in the existing geopolitical conditions. The purpose of the study is to determine the nature of the relationship between the main international financial mechanisms and the consequences of external influence on them with the use of sanctions. A new approach was used, in which the analysis of processes in the modern global monetary and financial system was carried out through the prism of the main international financial mechanisms. This approach not only provides another perspective on their consideration, but also allows us to identify new aspects of their relationships and mutual influence. During the research, methods of comparative logical and contextual analysis, systematization, classification and generalization were used. Based on a synthesis of the theory of financial mechanisms and the concept of global liquidity, the relationship of key international financial mechanisms, as well as the role of international reserves, is shown. As a result of the study, it was concluded that it is impossible for Russia to use existing international financial mechanisms controlled by the United States under sanctions and the need to create new regional digital financial mechanisms with the participation of the EAEU countries and the BRICS states.

Keywords: international financial mechanisms; international financial relations; global monetary and financial system; global liquidity; international reserves.